

ВЕРА И ОДИНОЧЕСТВО

Что в действительности значит быть «одинокими»? И как нам жить, будучи «конечной бесконечностью»? Какой ответ дает христианство на самую глубокую нужду каждого из нас? Выступление президента Братства «Общения и освобождения» на конференции «Враждебное одиночество» по случаю II Национального дня борьбы с одиночеством (Флоренция, 16 ноября 2019 г.).

ХУЛИАН КАРРОН

Одиночество – многогранное явление, и грани его, без сомнения будут успешно рассмотрены на настоящем конгрессе. Уже определение слова «одиночество», данное в программе, говорит о разнообразии его возможных значений: одиночество «характеризуется как субъективное ощущение отсутствия поддержки в момент нужды. <...> Одиночество... оказывает негативное влияние на здоровье» (с сайта *nemicasolitudine2019.com*). Но даже когда оно понимается таким образом, остается открытым вопрос о природе «нужды» и «отсутствия», влекущих за собой одиночество.

Тут вспоминаются строки поэта Марио Луци:

*Чего тебе не хватает, сердце,
что ты вдруг нехваткой полно?
чего? Прорвана плотина,
тебя захлестывает и затопляет
половодье твоей нищеты...
Приходит,
быть может, приходит
извне тебя
призыв,
которому ты не внимаешь в твоей агонии.
Но он есть. Его силу и пение оберегает
вечная музыка... Он вернется.
Будь спокоен».*

(Sotto specie umana, Garzanti, Milano 1999, p. 190).

Вопрос, поставленный поэтом, усугубляет насущную потребность постичь природу одиночества.

В рамках конгресса, чья цель, согласно программе, – предложить «панораму основных причин, которые сегодня ведут к одиночеству людей любого возраста, а особенно пожилых», меня попросили говорить о вере и одиночестве. Но, чтобы сказать, как может помочь вера, нужно прежде с точностью определить, в чем заключается человеческое одиночество, которое в случае пожилых людей становится весьма драматичным.

1. Одиночество возникает всякий раз, когда принимаешь всерьез свою человечность

Одиночество – элементарный человеческий опыт. Поэтический гений Джакомо Леопарди непревзойденным образом описывает его в «Ночной песни пастуха, кочующего в Азии»:

*Порой, когда гляжу я на тебя,
Как ты безмолвно светишь на равнину,
У горизонта сливлюся с небом...
Когда гляжу, как небосвод обилен
Созвездьями, и мыслю:
Зачем такое множество светилен?
И беспредельность воздуха? и глубь
И ясность неба без конца? что значит
Огромная пустыня? что я сам?*

(Дж. Леопарди. *Ночная песнь пастуха, кочующего в Азии*. Пер. А. Ахматовой)

Глядя на Луну и на все, что в небе отсылает к космическим просторам, кочующий пастух не в состоянии избежать вопроса, преследующего и нас: «Я... мыслю: ...что значит огромная пустыня?» (в итальянском тексте «одиночество». – *Примеч. перев.*). Вопрос о значении такого космического огромного одиночества сразу же заставляет поэта спрашивать себя о своей человеческой природе: «Что я сам?» Леопарди чувствует, что огромное одиночество Луны, звезд, воздуха и неба как-то связано с его человечностью, с его одиночеством, оно тесно связано с ними, ибо из них черпает свой смысл, становясь их образом. Только человек способен осознавать одиночество. И потому «я» есть самосознание космоса.

Эмили Дикинсон чутко уловила различие одиночества, переживаемого «я», и бессознательного одиночества природного мира:

*Есть одиночество пространства,
Одиночество моря,
Одиночество смерти, но они
Покажутся обществом
В сравнении с куда более глубоким местом,
С полярной уединенностью
Души, предстающей перед самой собой:
Конечной Бесконечностью*.*

(E. Dickinson. *There is a solitude of space...*)

---

* Приводим подстрочник, поскольку существующие русские переводы стихотворения неточно передают содержание оригинала и не учитывают игру слов в последней строке, принципиальную для этой статьи.

Никакое одиночество не идет в сравнение с одиночеством души лицом к лицу с самой собой. Речь о нашем внутреннем устройстве: о конечной бесконечности. Кажется, тут есть противоречие. Но именно в нем – парадокс человека.

Поэтому, чем глубже человек сознает себя, тем отчетливее вырисовывается перед его глазами природа одиночества, которое он переживает. «Чем больше мы сознаем наши потребности, тем яснее понимаем, что их не в состоянии удовлетворить ни мы сами, ни другие, такие же люди, как и мы. Чувство *бессилия* сопровождает всякий серьезный человеческий опыт. Именно это чувство бессилия и порождает *одиночество*. Истинное одиночество обусловлено не столько физическим уединением, сколько открытием того, что на нашу основополагающую проблему нет ответа ни в нас, ни в других. Можно с полным правом сказать, что чувство одиночества возникает из самой глубины всех тех моментов, когда мы принимаем всерьез собственную человечность. Это хорошо понимает тот, кто поверил, будто нашел решение своих немалых нужд в чем-то или в ком-то, а потом что-то или кто-то исчезает, уходит или оказывается недостаточным. Мы один на один с нашими нуждами, нашей потребностью быть и жить насыщенно» (Ср. Л. Джуссани. *Путь к истине является опытом*. М.: Христианская Россия, 2006. С. 67).

Чем больше человек сознает бесконечность своего желания и столь же бесконечную неспособность удовлетворить его, тем сильнее он испытывает одиночество. Проблема жизни «не находит ответ ни в нас, ни в других людях». От такого одиночества мы часто пытаемся убежать, потому что сжиться с ним тяжело: «Понемногу, – пишет Ницше, – я начинаю ясно различать повсеместный дефект нашего типа образования и воспитания: никто не учится, никто не стремится, никто не советует *сносить одиночество*» (F. Nietzsche. *Per l'educazione. Libro Quinto // Aurora e Frammenti postumi. 1879–1881*. Milano: Adelphi, 1964. P. 219).

2. Одиночество: друг или недруг?

Тема этого конгресса словно подсказывает, что на вопрос о природе одиночества, ответ дан изначально: «Враждебное одиночество». Но тот факт, что тема была предложена, наталкивает на мысль, что еще есть пространство для иного восприятия. Поэтому спросим себя: возможно ли не претерпевать одиночество как нечто враждебное?

Когда мы остаемся одни, это сильнейшая провокация для каждого, она припирает нас к стенке и заставляет считаться с самими с собой, бросая радикальный вызов нашему разуму и нашей свободе. В зависимости от того, как мы его переживаем, одиночество может быть приговором или приобретением. И потому оно представляет собой развилку, открытую драму.

Социолог Зигмунт Бауман видит в отказе от одиночества вероятную серьезную потерю: «Пытаясь любой ценой не остаться одному, человек отказывается от шанса испытывать *одиночество* – то высокое состояние, в котором возможно собраться с мыслями, размышлять, обдумывать, творить и, в конечном счете, придавать смысл и содержание общению» (*Cose che abbiamo in comune. 44 lettere dal mondo liquido*. Laterza: Bari, 2012. P. 12). В таком случае одиночество – что угодно, но не враг. «Одиночество – никакая не мания, без него не мила и компания», – говорил Габер в одной своей песне (*La Solitudine*. Из альбома *Libertà Obbligatoria*, Carosello, 1976).

Другие воспринимают ее противоположным образом. Одно из наиболее трогательных литературных описаний негативного опыта одиночества оставил нам Пасколи в стихотворении «Двое сирот»:

«„Сейчас ничто нас не утешает,
и мы одни в темной ночи“.
„Она была там, там, за дверью;
и временами
нам слышен был ее мимолетный шепот“.
„Теперь же мама мертва“.
„Ты помнишь? Не было мира меж нами...“
„Сейчас мы ведем себя лучше...“
„Сейчас, когда никто не радуется за нас“.
„И нет никого, кто бы нас прощал“».

(G. Pascoli. *Due orfani // Poesie*. Milano: Garzanti, 1994. P. 354–355).

Приобретение или приговор: вот два разных, противоречащих друг другу способа переживать одиночество. Об этом предельно ясно свидетельствует Эtti Хиллесум, молодая еврейская женщина, погибшая в Освенциме: «Я знаю два вида одиночества. От одного я чувствую себя ужасно несчастной, потерянной и словно в подвешенном состоянии; от другого становлюсь сильной и счастливой. Первый всегда налицо, когда я не ощущаю контакта со мне подобными, когда вообще, даже на самую малость, не соприкасаюсь с чем-либо: тогда я оказываюсь полностью отрезанной от всех и от самой себя, я не улавливаю смысла этой жизни, не вижу, что объединяет вещи, не замечаю своего места в этом существовании. В другом же виде одиночества я, напротив, чувствую себя сильной и уверенной, связанной со всеми, со всем и с Богом, и знаю, что могу сама встречать жизнь лицом к лицу, не завися от других. В такие моменты я ощущаю себя частью целости, богатой смыслом, беспредельной, и, как мне кажется, могу еще отдать немало сил и другим» (E. Hillesum. *Diario*. Milano: Adelphi, 2012. P. 139–140). Итак, разница между двумя видами одиночества не в том, один ты или в компании, а в том, исполнена твоя жизнь смысла или нет.

Психиатр Эудженио Борнья, всю жизнь занимавшийся драмой одиночества, проявляющейся в психических заболеваниях, помогает нам определить суть отличия одного вида одиночества от другого: «Одиночество и отъединенность – два способа жить, в корне отличных друг от друга, хотя часто их отождествляют. Быть в одиночестве – не чувствовать себя одинокими, а временно отделиться от мира людей и вещей, от повседневных забот, чтобы вернуться к своему внутреннему миру и к своему воображению, не теряя при этом желание и тоску по отношениям с другими: с любимыми людьми и с задачами, вверенными нам жизнью. Напротив, мы отъединены, когда замыкаемся в самих себе, потому что другие нас отвергают или же, чаще, по причине собственного безразличия, угрюмого эгоизма, которые проистекают из сухого и черствого сердца» (La solitudine come rifugio ai tempi del social network / Intervista a cura di Luciana Sica // *la Repubblica*. 18 gennaio. 2011).

Иными словами, эти два вида одиночества не возникают в жизни автоматически, так что человек ничего не может с ними поделать. В любом человеческом поступке задействована свобода, и, как

следствие, в обоих случаях каждый решает «быть один», то есть временно отделиться от людей и вещей, чтобы понять собственный смысл, или же «отъединиться», замкнуться в самом себе, поскольку понимать нечего.

Однако человек не обречен переживать одиночество как закрытость, как оторванность от всех и вся, в какой бы ситуации он ни находился, со всеми его ранами и трещинами. Это подтверждает одна известная журналистка в статье «Моя трещина»: «С юности, а может, даже и раньше, я всегда думала, будто родилась с неким изъяном. Что-то во мне не работало, как должно бы, словно я была домом, а изъян этот – глубокой трещиной в несущей стене. <...> Монтале в одном своем стихотворении говорит о „несчастье жизни“: „То был клокочущий поток, листок иссохший, загнанная лошадь“. Мы учим мы в школе эти строки, но ни у кого в классе не закрадывается мысль, что речь о нас. Девочкой я по утрам смотрела в зеркало, улыбалась сама себе, думала о моей трещине и говорила: „Перестань, о чем ты переживаешь? Ты молода, красива“. Однако по мере взросления трещина, казалось, становилась глубже, она чернела на моей белой внутренней стене. Она разрослась, превратилась в меланхолию, а потом – в патологическую, тяжелую депрессию. Я обращалась к врачам, меня лечили, мне становилось лучше, а потом, после перерыва, болезненная трещина вновь проявлялась и шептала мне: „Ты не исцелилась“... Я прочитала Мунье. „Бог входит через раны“, – писал он. Я размышляла: что если моя трещина – щель в непроницаемой стене, необходимый разлом? <...> Зачем эта рана? Не будь ее, я, человек физически здоровый, не бедный, успешный, ни в чем бы не нуждалась. Эта раздробленная стена, эта брешь – спасение. Сквозь нее стихийный порыв благодати может проникнуть и оплодотворить иссохшую и твердую почву» (M. Coggioli. *La mia sfera // Tempi*. 19 ottobre. 2017. P. 46).

Именно о такой драматичной и напряженной борьбе пишет Этти Хиллесум: «Мы ведь всё несем в себе: Бога и небо, ад и землю, жизнь и смерть, и столетия, много столетий. Меняются декорации внешних обстоятельств, но мы всё несем в себе, и обстоятельства никогда не бывают решающими, потому что они есть всегда, хорошие или плохие, и с этим фактом нужно смириться, он не мешает использовать жизнь для улучшения этих обстоятельств. Однако должны быть ясны мотивы борьбы, которую каждый день нужно заново начинать с себя» (Э. Хиллесум. *Я никогда и нигде не умру. Дневник 1941–1943 гг.* М.: Клуб семейного досуга, 2016. Запись от 3 июля 1942 г.).

Что способно заставить нас ввязаться в эту борьбу? Лишь любовь к самим себе. Действительно, даже самая глубокая боль может привести к открытию совершенно неведомых горизонтов. Но, чтобы воспользоваться такой возможностью, нужно смотреть на боль положительным взглядом, который характеризует наиболее сокровенную природу человеческой свободы: «Душевная боль, – пишет Борнья, – есть опыт, составляющий часть жизни, и ее нельзя воспринимать исключительно как следствие некой патологии». Душевная боль коренится в опыте человека и несводима к каким бы то ни было отклонениям. «Даже в рамках депрессии или тревожного расстройства... страдание не утрачивает ни капли своего достоинства... оно радикально усиливает нашу склонность к интроспекции, к поиску наиболее глубинного внутреннего опыта» (E. Borgna. *La solitudine dell'anima*. Milano: Feltrinelli, 2013. P. 51). Его мысль подтверждают и слова Этти Хиллесум: «Если после всех страданий горизонт не расширится, если благодаря тому, что в жизни появится истинная человечность, не отпадет... мелкое и второстепенное, – тогда все было напрасно» (Указ. соч. Запись от 24 июля 1942 г.).

И вот в чем тогда подлинная природа одиночества, ведущего к отъединенности: «Одиночество не значит быть одному, это отсутствие смысла» (Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. М.: Христианская Россия, 2004. С. 99). Мы чувствуем себя одиночками не потому, что

мы одни, а потому, что нам недостает смысла, который дает перспективу и содержание мгновению, который соединяет нас с другими людьми и вещами. Мне кажется, именно отсутствие смысла является сегодня наиболее распространенной характеристикой жизни, с чем соглашается Умберто Галимберти: «В 1979-м, когда я начал заниматься психоанализом, проблемы носили эмоциональный, сентиментальный и сексуальный характер. Теперь же они связаны с отсутствием смысла». Речь не о какой-то отдельной возрастной группе. Можно «быть стариком в двадцать лет». И правда, «молодым людям плохо, и они даже не понимают почему. Им не хватает цели» (U. Galimberti. *A 18 anni via da casa: ci vuole un servizio civile di 12 mesi / Intervista di S. Lorenzetto // Corriere della Sera*. 15 settembre. 2019).

Это более шестидесяти лет назад предвидел Тейяр де Шарден: «Наибольшая опасность, которой должно страшиться нынешнее человечество, – не катастрофа, грядущая извне, не космическая катастрофа, не голод и не чума, а духовный недуг, самый ужасный, ибо из всех бичей он самый что ни на есть человеческий, – утрата вкуса к жизни» (Cf. *Il fenomeno umano // Opere di Teilhard de Chardin*. Milano: Il Saggiatore, 1980. P. 310–311). Утрата эта делает человека все более хрупким в социальном контексте. Горький же плод такой уязвимости в том, что люди становятся чужими самим себе и другим и живут в изоляции, хотя и окружены толпами.

3. Одиночество – место, где открываешь для себя подлинную компанию

Но есть и другое одиночество, о котором святой Бернард Клервоский говорил: «О блаженное одиночество, о одинокое блаженство». Оно противоположно отъединенности. Если мы не угнетаем в себе потребность в смысле, которая всегда остается в человеческом сердце, если мы смотрим по-настоящему, она ведет нас к открытию в наших глубинах «компаний... более истинной, нежели одиночество». Действительно, потребность в смысле «порождается не по моей воле, но дана мне», она является образующей для нашего «я», но происходит не от нашей инициативы, а от Иного. И потому «одиночеству предшествует компания, которая обнимает мое одиночество, и оно уже не настоящее одиночество, а громкий призыв к сокровенной компании» (Ср. Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. С. 65).

Что же это за сокровенная компания? Как ее найти? «Сознавая самого себя до конца, человек ощущает в глубине себя Иного. <...> Человек, „я“ – тот уровень природы, на котором она замечает, что не сама себя творит. Так все мироздание подобно великой непрерывной периферии моего тела. <...> Я существую, ибо я сотворен. <...> И потому сказать: „Я есть“, – сознательно, в соответствии со всем моим человеческим масштабом, я могу, только если это совпадает для меня с фразой: „Я создан“» (Ср. *Там же*. С. 124).

Этти Хиллесум ярко свидетельствует об этом в своем дневнике: «Во мне есть очень глубокий колодец. А в нем – Бог. Иногда я могу добраться до него. Но бывает, что колодец забит камнями, щебнем, и тогда моего погребенного Бога нужно откапывать» (Э. Хиллесум. *Указ. соч.* Запись от 26 августа 1941 г.). Чуть позже она добавляет: «Когда после долгого, утомительного, ежедневного процесса продвнешься к первоисточнику, который мне хочется назвать просто Богом, и когда следишь за тем, чтобы дорога к нему не была забаррикадирована, была свободна, а это происходит благодаря „работе над собой“, – тогда твои силы постоянно восстанавливаются и ты не боишься, что они иссякнут» (*Там же*. Запись от 28 сентября 1942 г.).

Речь, таким образом, о том, чтобы признавать и переживать отношение с Иным – Богом, с Бесконечным, отношение, доступное всем, в любых обстоятельствах. Об этом пишет Борнья:

«Даже будучи в одиночестве... мы можем прислушиваться к бесконечному, которое есть в нас. <...> Бесконечное, это тайное измерение жизни, находится в нас: оно бьется, оно живое; оно не исчезает, если мы не позволяем суматохе и шуму увлечь нас и поглотить» (*La solitudine dell'anima*. P. 24). Этот Иной, это Бесконечное достижимы лишь для того, кто со всей серьезностью относится к самому себе и не отвлекается на суматоху и шум, не погрязает в них. «Таким образом, жизнь выражается прежде всего как сознание об отношении с Тем, Кто ее сотворил... <...> Только так побеждается одиночество: в открытии Бытия как любви, непрерывно дарующей Себя», позволяющей мне быть сейчас. Есть Иной, Который хочет, чтобы я был, для Которого мое существование драгоценно и благодаря Которому я никогда не один. Поэтому «Существование реализуется по большому счету как диалог с образующим его великим Присутствием, неразлучным его спутником. Эта компания – внутри „я“, нет ничего, что бы мы делали сами по себе [ведь в каждое мгновение нас порождает Иной]. Всякая человеческая дружба [всякая попытка ответить на одиночество] – отголосок изначального устройства бытия [или подлинной компании, которую составляет нам Иной, давая жизнь в этот момент], и, отрицая его, она рискует утратить истинность» (Ср. Л. Джуссани. *У истоков христианского притязания*. М.: Христианская Россия, 2010. С. 121–122).

Отец Джуссани объясняет свою мысль с помощью аналогии: «Истинное самосознание подобно ребенку на руках у отца и матери: он с глубоким спокойствием и даже с радостью может войти в любую жизненную ситуацию. Никакая терапевтическая система не в силах претендовать на это, не калеча человека. Иначе говоря, часто, чтобы перестать закрывать глаза на некоторые раны, закрывают глаза на человека с его человечностью» (Ср. *Религиозное чувство*. С. 124).

Несмотря на существующую и доступную всем возможность обрести компанию, заключенную в собственном «я», человек столь хрупок, что нередко живет как заложник обстоятельств и спрашивает себя: «Кто избавит меня от сего тела смерти?» Действительно, даже «в сегодняшнем мире, столь обделенном присутствием, где челок столь нелюдим... столь одинок, а потому и столь падок (он слаб, как дитя, но это отталкивающая слабость, ведь он уже не ребенок, он взрослый ребенок, добыча любого, кто первым до него доберется, кто первым схватит, он неспособен на критику, не способен воспитать в себе критический взгляд, оперировать более и менее правильными категориями), в мире, где человек пленен теми, кто так или иначе оказывается сильнее его, – в этом мире, в самой глубине, остается невредимым ожидание спасения» (L. Giussani. *In cammino. 1992–1998*. Milano: Bur, 2014. P. 43).

Это ожидание может проявляться самыми разными способами и противостоит даже сегодняшнему широко распространенному нигилизму. Символичен пример французского писателя Мишеля Уэльбека, который отождествляет потребность в спасении с желанием быть любимым, то есть не быть одному. Такое желание неискоренимо, оно пронизывает саму ткань существования любого человека, в том числе и яркого неверующего вроде Уэльбека. В открытом письме Бернару-Анри Леви пишет: «Стыдно признаться, но мне все чаще хотелось, чтобы меня любили. <...> Однако по недолгом размышлении я всякий раз убеждался в нелепости этой мечты: у жизни есть пределы, а прощение невозможно. И все же размышления ни к чему не вели, желание пересиливало, и, должен признаться, оно и сейчас пересиливает» (Ср. М. Уэльбек. Письмо от 2 февраля 2008 г. // *Враги общества*. М.: Азбука). Вот насколько невозможно умалить человека: желание быть любимым остается, что постоянно подтверждается опытом.

4. Победить одиночество может только присутствие

Так мы возвращаемся к Леопарди и к «огромной пустыне» пастуха кочующего в Азии, к метафоре человека в пути. На протяжении двух тысяч лет людей, каждого из нас, достигает весть: Бог, исток всего сущего, стал человеком; предназначение «беспредельности воздуха и глубины и ясности неба без конца» – «Бог, ставший человеком». «Когда понимаешь, что ценность всех вещей есть воплощенное Слово, тогда ясность и глубина воздуха... обретают богатство и красоту. Например, ты смотришь на них умиротвореннее, потому что знаешь, что они у тебя не отнимутся, знаешь, что будешь наслаждаться ими всегда» (L. Giussani. *Affezione e dimora*. Milano: Bur, 2001. P. 413–414).

Отец Джуссани испытал это на себе, и потому теперь он может быть достойным доверия свидетелем для любого человека, оказавшегося в ситуации одиночества. В последнем интервью, которое он дал газете *Corriere della Sera* в день, когда ему исполнилось восемьдесят два года (15 октября 2004 г.), за несколько месяцев до смерти, как бы подводя итог своей долгой жизни, отец Джуссани сказал: «Сегодня человек переживает своего рода экзистенциальное несварение, расстройство элементарных функций, разделяющее его. <...> Человек, как бы спасаясь от землетрясения, призывает сам себя к суровому одиночеству, а ответом на него становится христианство. Христианин находит положительный ответ [на описанную экзистенциальную ситуацию] в том факте, что Бог вочеловечился: это событие, удивляющее и утешающее человека, которого в противном случае ожидала бы печальная участь. Для Бога же Его собственное действие по отношению к человеку непредставимо, если оно не является „великодушным вызовом“ его свободе». Бог не навязывается человеку, а ждет, чтобы тот свободно принял Его. Поэтому «возражение нового времени о том, что христианство и Церковь урезают человеческую свободу, опровергнуто увлекательным отношением Бога с человеком. Напротив, по причине ограниченной идеи свободы для сегодняшнего человека непредставима мысль о том, что Бог обременяет Себя отношением с человеком, чуть ли не отрекаясь Себя Самого. В этом трагедия: человека, кажется, больше заботит утверждение его собственной свободы, нежели признание великодушия Бога, того единственного, что устанавливает меру участия человека в реальности и таким образом по-настоящему освобождает его» (Io e i ciellini. *La nostra fede in faccia al mondo / Intervista a cura di Gian Guido Vecchi // Corriere della Sera*. 15 ottobre. 2004. P. 33).

Присутствие – вот самый большой вызов для человеческого разума и свободы, ответ на поиски смысла. Присутствие, которое перед человеком, сознающим свое структурное бессилие, предстает как подлинная компания. «Любовью вечной Я возлюбил тебя и потому привлек тебя к Себе, сжалившись над твоим ничтожеством» (Ср. *Иер.* 31:3). Бога столь растрогала наша малость, наше одиночество, которое мы не в состоянии победить собственными силами, что Он послал в мир Своего Сына. И как Отец, Христос испытывал то же бесконечное сострадание к тем, кто с Ним сталкивался. В одном евангельском эпизоде описано, как Он переживал эту растроганность. Иисус шел по полю с учениками и вдруг увидел похоронную процессию. Погребали единственного сына матери, оставшейся вдовой. Он приблизился к ней и сказал: «Женщина, не плачь!» (Ср. *Лк.* 7:11–17). Какое объятие она, должно быть, ощутила в тот момент, объятие, охватившее ее, превосходившее любое человеческое чувство и возвращавшее надежду! Смерть сына не была концом всего, мать-

вдова не была обречена на одиночество, потому что семья Воскресения присутствовало в том Человеке, говорившем ей столь неслыханные слова и сразу после отдавшем ей сына живым. И тогда боль, которая часто изолирует человека и разрывает отношения, порой даже самые близкие, больше не останавливает, а превращается в проблему, как пишет К. С. Льюис: «В каком-то смысле... [христианство] скорее создает, чем решает, проблему боли, ибо боль не была бы проблемой, если бы, в дополнение к нашему ежедневному опыту в этом причиняющем боль мире, мы не получили бы твердого, на наш взгляд, заверения в том, что абсолютная реальность характеризуется праведностью и любовью» (См. К. С. Льюис. *Боль*. Введение. Пер. А. Цветкова).

Глубокий знаток человеческой драмы Поль Клодель замечает: «В душе больного [это касается и одиноких людей] постоянно поднимается один вопрос: „Почему? Почему со мной? Почему я должен страдать?“ На этот ужасный вопрос, более древний, чем Человечество, которому Иов придал почти официальную и литургическую форму, лишь Бог, напрямую спрошенный и вызванный на суд, оказался в состоянии ответить; и проблема была столь грандиозна, что лишь Слово могло к ней подступиться, предоставив не объяснение, а присутствие, согласно сказанному в Евангелии: „Я пришел не объяснить, не рассеять сомнения с помощью объяснений, а наполнить или, лучше, заместить Моим присутствием саму потребность в объяснении“. Сын Божий пришел не уничтожить страдание, а страдать вместе с нами» (*Toi, qui es-tu?* Paris: Gallimard, 1936. P. 112–113). Иначе говоря, Он пришел в мир, чтобы переживать страдание с нами, Он стал человеку компанией, в какой бы ситуации тот ни пребывал.

В этом смысле вера вносит вклад в решение человеческой проблемы, помещая «я» в наилучшие условия для поиска ответа на одиночество, которое, как мы напомнили в начале, «возникает из самой глубины всех тех моментов, когда мы принимаем всерьез собственную человечность». На вопрос кочующего пастуха христианство отвечает присутствием, составляющим человеку компанию в рамках его материального существования. И разве не в присутствии мы нуждаемся, чтобы без страха встречать повседневные трудности жизни? Разве не это больше всего нужно одиноким пожилым людям?

«Старая... становишься более одиноким, но это одиночество, которое все сознательней объемлет окружающие нас вещи, небо и землю. Об этом говорила мне моя бедная мама по дороге на мессу ранним утром, в полшестого, однажды в конце зимы, когда уже началась весна. Мне было пять лет, и я трусил за ней, попевая за ее быстрым шагом. В полной безмятежности, под единственной звездой, оставшейся в небе... она сказала мне...: „Как прекрасен мир и как велик Бог“. <...> Неразумно думать о преходящей реальности, где ничто не творится самой собой, не связывая ее с чем-то таинственным, из чего все проистекает, откуда всякая вещь черпает свое бытие. „Как прекрасен мир, а *значит*, как велик Тот, Кто его творит!“» (L. Giussani. *Avvenimento di libertà*. Genova: Marietti 1820, 2002. P. 14).

Для человека, сознающего самого себя, одиночество может стать другом каждого дня, ибо оно наполнено непрерывным разговором с Тайной, творящей все и ставшей человеком, продолжающей присутствовать в истории посредством людей, которые являются ее знаком. Вот вклад веры: не в то, чтобы «стерпеться» с одиночеством, а чтобы принять его и жить им, сколь бы трудно и больно это ни было, жить с сознанием, что есть Тот, Кто заключил союз с нашим сердцем и для Кого мы драгоценны такие, как мы есть.

Папа Франциск назвал одиночество «драмой... терзающей множество мужчин и женщин. Я думаю о пожилых людях, оставленных даже их близкими и детьми; о вдовцах и вдовах; о многих мужчинах и женщинах, брошенных женами и мужьями; о многих, кто чувствует себя одиноким, непонятым, не выслушанным; о мигрантах и беженцах, спасающихся от войн и гонений; о многих молодых жертвах потребительской, одноразовой культуры, культуры отбраковки» (*Проповедь во время святой мессы по случаю открытия XIV Очередной генеральной ассамблеи Синода епископов*, 4 октября 2015 г.).

Все израненное человечество вопиет, призывая каждого из нас к ответственности. Сколько людей живет в одиночестве, потому что никто не посмотрит в их сторону, никто не скажет: «Ты ценен. Такой, как ты есть, ты драгоценнее вселенной!» В этом состоит свидетельство тех многих, кто путем огромного числа инициатив, ярким примером которых являетесь и вы, посвящает себя старикам, борясь тем самым с культурой отбраковки, как называет ее папа. Люди, обладающие взглядом, способным оценить наследие жизни пожилых, составляющие им компанию на последнем отрезке их пути, играют решающую роль в ответе на отсутствие смысла, лежащее у истоков того одиночества (и вправду враждебного), на которое сегодня все больше обречены мужчины и женщины, молодые и старые, признанные бесполезными и отбракованные. Но никто не бесполезен, всякий человек имеет неизмеримую ценность, о чем напоминает нам Евангелие: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? Или какой выкуп даст человек за душу свою?» (*Мф.* 16:26). Можно ли представить более полное утверждение абсолютного достоинства каждого отдельного человека и взгляд, более ценящий человека, чем этот?